

Лесков Н. Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 г.
// Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 432 – 436.

Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года.

Весной нынѣшняго года, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, я, м. гт., получилъ порученіе отъ Императорскаго Географическаго Общества — заняться во время лѣтнихъ каникулъ собираніемъ матеріаловъ по этнографіи корельскаго края. Такое предложеніе общества какъ разъ совпало съ моимъ искреннимъ желаніемъ поработать, что-нибудь сдѣлать полезное корельскому родному краю. Въ первыхъ числахъ іюня я уже былъ въ Святозерѣ, корельскомъ селѣ Петрозаводскаго уѣзда, и съ охотою принялся за работу, — наблюдая за всѣми сторонами жизни кореляка. Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей — русскихъ, до сихъ поръ представляетъ еще очень много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Особенно много этого оригинальнаго въ тѣхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляка: въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ, крестильныхъ и др.

Свадьбы въ корелѣ происходятъ большею частью или осенью — до Филипова поста, или въ Рождественскомъ межговѣннѣ. Выборъ такого времени — вполне понятенъ. Относительная свобода отъ работъ и домашнихъ занятій, нѣкоторая зажиточность крестьянъ въ это время — все это обуславливаетъ выборъ такого времени для заключенія браковъ. — Колдуны и колдуньи на корельской свадьбѣ занимаютъ первое мѣсто. Съ колдуньей невѣста ходитъ въ баню, колдунья одѣваетъ ее къ вѣнцу; и какихъ только, какихъ наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ не совершается при этомъ!?... Вода, которой умывается въ банѣ невѣста, идетъ ва приготовленіе тѣста, изъ котораго потомъ пекутся пироги для жениха; невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ ири этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ. При входѣ въ церковь, у нея поднимаются подола платья чуть ли не до колѣнъ, чтобы они какъ-нибудь не коснулись церковнаго порога (чтобы отъ этого у невѣсты не было чирьевъ на тѣлѣ). Стоя подъ вѣнцемъ, она держитъ межъ грудями пироги, которые потомъ сѣдаетъ въ мужниномъ домѣ, чтобы не скучать, не тосковать по родителямъ. Въ домѣ жениха, послѣ вѣнчанія, сажаютъ молодыхъ на печку и кормятъ брусникой или молокомъ.

Много такихъ же суевѣрныхъ обрядовъ совершается и при погребеніи

и крещеніи. Въ гробѣ для мертвеца прорѣзывается отверстие, вставляется стекло и дѣлается что-то въ родѣ маленькаго окошечка; въ изголовье покойника кладутъ вѣничные листья и стружки; въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ монету — откупаютъ землю. Въ сороковой день послѣ погребенія — «мустайжедь» — устраивается по покойникѣ «веро» — поминальный обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ на обѣдъ, встрѣчаютъ съ подушкой на головѣ и на печкѣ, въ домѣ, помѣщаютъ для покойника цѣлыя груды пироговъ. Въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго.

При совершеніи таинства крещенія, родители крещаемаго не присутствуютъ въ общей комнатѣ, чтобы дитя отъ этого не стало плакать по ночамъ; при погруженіи въ купель младенца, обращаютъ вниманіе на положеніе его тѣла: протянутыя ноги къ смерти, поджатые и нѣсколько скорченныя къ жизни. Отрѣзанная пуповина прячется въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не имѣлъ бы возможности пошевелить; «лійкутидь лапсэнъ нябанъ, разсуждаетъ корелякъ, лійкутидь һәнәнъ міеленъ» — «крянулъ пуповину младенца — крянулъ его умъ», сдѣлалъ его навѣкъ сумасшедшимъ.

И въ повседневной жизни кореляка есть много любопытнаго, заслуживающаго вниманія. Утромъ корелякъ встаетъ часа 2 — 3 и первымъ дѣломъ, по пробужденіи, съѣдаетъ пять муки или кусочекъ хлѣба. «Зачѣмъ это дѣлаешь, Пекко?» спрашиваю я одного такого крестьянина: «Привычка что ли у тебя такая?» — Нѣтъ не привычка, а это средство обезопасить себя отъ дѣйствій «паһалайпэ» — дьявола; безъ «пюһялладъ» — безъ предварительнаго принятія пищи опасно выходить на воздухъ — «илмалэ»; «паһалайнэ» можетъ послать болѣзнь «нәнэ». Отправился корелякъ рыбу удить въ ламбу (лѣсное озерко) — замѣтили его сосѣди, не быть удачѣ. Попилъ изъ лѣснаго колодца воды, подумалъ тутъ же что-нибудь недоброе — глядишь и нажилъ себѣ зобъ на шею или боль въ желудкѣ. Заблудился вечеромъ въ лѣсу, идя домой, проплуталъ дня два, три, — на «худыхъ слѣдахъ» былъ (паһуойль дялгиль), на слѣдахъ «метчäläйнэ» — лѣсовика. Купался въ лѣсномъ озерѣ, забрелъ на глубину, едва не утонулъ — всѣмъ рассказываетъ, что у водяника въ «кобрахъ» — пясти былъ, ощущалъ его холодное шерстнатое тѣло и ясно видѣлъ его, какъ видитъ теперь своихъ сосѣдей.

Заболѣла корова, опаршивѣла отъ худой, голодной пищи — «муа-һардйй» — дворовый не взлюбилъ; вездѣ у него суевѣрная подкладка, всюду привнесеніе элемента нечистой силы: кеһно, паһалайнэ, метчалайнэ, ведэһинэ, муа-һардйй.

Самая молодежь корельская и всѣ ея удовольствія какъ-то отличны отъ

забавъ молодежи русскихъ сель и деревень. Какая-то вялость, холодность, постоянная застѣнчивость — отличительныя черты корельскихъ парней и дѣвушекъ. Вы не услышите отъ нихъ ни разудалой пѣсни, остроумной шутки и веселыхъ прибаутокъ; никогда не увидите у нихъ ухарской бойкой кадрили и жаркаго выраженія взаимныхъ чувствъ. Какъ-то все дѣлается у нихъ сосредоточенно-холодно, методически-размѣренно... Самое веселое время для корельской молодежи — это святки, масляница и «виандюйдъ» ¹⁾ — время отъ Иванова дня до Петрова дни. Святки для нея время желанное, съ нетерпѣніемъ ожидаемое чуть ли не съ самой осени. На канунѣ Рождества начинаются святочные гаданья. Собирается компанія парней и дѣвушекъ, дѣлаетъ въ складчину «пряженые» пироги и, закусивъ ими, идутъ слушать «сѣндюдъ»; слушаютъ подѣ окнами домовъ, на перекресткахъ дорогъ, на церковномъ крыльцѣ, на кладбищѣ, въ ригахъ и баняхъ. Вотъ въ морозную лунную ночь крадется группа молодежи за село, на перекрестокъ дорогъ. Всѣ соблюдаютъ строжайшее молчаніе, боясь смѣхомъ и говоромъ оскорбить «великаго сѣндю». Отыскали мѣсто, очертились сковородникомъ, стали спинами другъ къ другу и внимательно слушаютъ. Изъ села несутся далекіе, неясные звуки: то тихо звякнетъ колокольчикъ, то залаетъ собака, то расходившійся дѣдушка — морозъ щелкнетъ въ уголь крестьянской избы; — все это суевѣрно-настроенными слушателями объясняется по своему: болѣзненной Огуой (Агафѣ) слышалось тѣсанье досокъ — значитъ умирать ей въ эту зиму; Маччи (Матѣей), здоровенный дѣтина 21 года, слышалъ ружейные выстрѣлы — не миновать ему тяжелой солдатской службы; Катти (Катерина) слышала звонъ колокольчиковъ — скоро, должно быть, будутъ къ ней женихи...

Способовъ узнать своего суженаго — существуетъ очень много: дѣвушки одѣваютъ въ полночь на шею хомутъ, садятся подъ столъ и ждутъ своего будущаго жениха; ложатся на печку съ зеркаломъ въ рукахъ, запираютъ на всю ночь косу на замокъ, мѣряютъ сапогомъ полъ, ходятъ съ лучиной на прорубь, мочатъ её тамъ и потомъ, придя въ избу, зажигаютъ... и многое множество — другихъ средствъ и способовъ. Маскированье и «бесѣда» (ѣ — слѣдуетъ произносить какъ ё) усиливаютъ святочное веселье. Вывороченная на изнанку шуба или рваный кафтанъ, большіе, стоптанные катанцы или сапоги-кенги и опущенный на глаза платокъ — вотъ и весь незамысловатый костюмъ кореляка «смуута». Вечеръ до поздней ночи проводится на бесѣдѣ: здѣсь танцуютъ — кадрили, лянсье, совдино-чоукку, а въ старину — шина и касарейку: пѣсни поются исключительно русскія, но такъ исковерканныя, что трудно было бы уловить въ нихъ какой-нибудь смыслъ или значеніе: «доцумери,

¹⁾ *ü* какъ франц. *и*, а не какъ русск. *ю*.

доцумери — показался день малинь, день малина — коротина, на одинь часочикъ; теперь моды при часахъ, котикова шапки... Меня милой не узналь прямо доктору послалъ; докторъ улица дѣвица стала спрашивати; танцы—пляски на каляски буду радость веселить я глазаленькой, голосокъ — соловей, изъ себе картина...»

Время «віандюйдъ» — дорогое время для женскаго пола и въ особенности для дѣвушекъ. Въ это время корельскія бабы приносятъ изъ лѣсу вересъ и ольховыя листья для паренья молочныхъ горшковъ, ломають березовыя вѣтви для вѣниковъ и собирають цѣлебныя травы и цвѣты. Аптека кореляка — не богата медикаментами и приспособлена для лѣченія самыхъ простыхъ — «мужицкихъ» болѣзней: «равда-нейнэ» — останавливаетъ кровь при урѣзахъ; «урчой-нейнэ» — годится при разстройствѣ желудка; «кувзи-лехти» — отъ чесотки, «айлазь-нейнэ» — отъ колотья и друг... Но особенно, говорю, дорого время «віандюйдъ» для дѣвушекъ. На канунъ Иванова дня онѣ идутъ въ лѣсъ и кладутъ въ ржаныя поля — полотенце, мыло и серебрянную монету. Въ ночь на Петровъ день все это берется обратно и становится прекраснымъ средствомъ — «ностай лемби» — пустить о себѣ въ народѣ хорошую молву, — понравиться любому парню. При умываніи — монету опускають въ воду, и дѣвушка моется тѣмъ мыломъ, утирается тѣмъ полотенцемъ, которыя лежали все время «віандюйдъ» въ полѣ. — Чтобы пустить «лемби» — существуетъ еще другое средство — это купанье во ржи. Представьте себѣ теплую іюньскую ночь, съ нѣжнымъ запахомъ распустившихся цвѣтовъ; въ полѣ, въ росистой ржи, какъ русалки, прыгають, скачутъ, валяются — дѣвушки, совершенно нагія... Куда дѣвались ихъ постоянная застѣнчивость и стыдливость, заставляющія нерѣдко краснѣть ихъ до корней волосъ?!.. Все забыто, лишь бы «лемби-ностай» — пустить хорошую молву...

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь кореляка съ его горемъ и радостью, печальми и весельемъ... И она-то служила мнѣ предметомъ наблюдений. Я записывалъ все, что только замѣчалъ въ ней — любопытнаго и оригинальнаго: въ обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и рѣчи, — записывалъ частію, наблюдая непосредственно самъ за жизнью корела, а частію и по рассказамъ стариковъ и старухъ-рассказчиць. Такъ, въ Святозерѣ, при помощи такой старушки, я съ подробностями записалъ свадебные обычаи съ причитаньями, погребальныя обряды, обряды «мустайжедь», — т. е. сороковаго поминальнаго дня, и нѣсколько способовъ — присушить парня къ дѣвкѣ. Въ среднихъ числахъ іюня я вышелъ изъ Святозера и направился на сѣверо-западъ Петрозаводскаго уѣзда, по направленію къ Финляндіи. Въ селѣ Пряжѣ (Петрозаводскаго уѣз.) мало нашель заслуживающаго вниманія. Это село, не смотря на большое число жителей, почти лишено своего оригинальнаго, собственно-корельскаго:

здѣсь нѣтъ ни сказочниковъ, ни старухъ-причитальщицъ, не сохранилось ни старинныхъ національныхъ корельскихъ обычаевъ, — все постепенно замѣнено «мѣщанскимъ, вульгарно-русскимъ», идущимъ широкимъ теченіемъ изъ Петрозаводска... Самый говоръ Пряжинцевъ — особый говоръ, отличающійся отъ рѣчи другихъ кореляковъ, и сильно испещренный русскими словами (церковь — черковь; крыша — кровля...)... Эта особенность говора дала мнѣ поводъ — обратить вниманіе на рѣчь кореляковъ, — и отчасти послужила побужденіемъ — составить словарь корельскаго языка... Въ Сязозерѣ (Säämjärwi) — побывалъ на «руочинъ-саари» и осмотрѣлъ шведскую могилу; выслушалъ нѣсколько сказокъ отъ мѣстныхъ жителей и записалъ десятокъ — другой корельскихъ загадокъ. Пребываніе въ деревнѣ Проккойла — было нѣсколько удачнѣе. Одна мѣстная крестьянка рассказала мнѣ обо всѣхъ обрядахъ — свадебныхъ и погребальныхъ, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ Святозерскихъ; пропѣла «голосомъ» нѣсколько свадебныхъ причитаній, сказала сказку и сообщила нѣсколько загадокъ и пословицъ. Въ с. Вешкелицахъ (вези-кюля), находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ финской границы, замѣтно уже вліяніе Финляндіи. Здѣсь нѣтъ уже такихъ кучныхъ сель, какія встрѣчаются въ восточной и сѣверо-восточной корелѣ, каждые два три домика стоятъ наединѣ и составляютъ деревню съ особымъ именемъ (Ахпой-Микки, Лѣбѡйнэ). Говоръ здѣсь болѣе или менѣе — чисто корельскій, безъ замѣтной примѣси словъ русскихъ; встрѣчаются только иногда слова финскія. Одежда мѣстныхъ жителей очень похожа на финскую. Визитка изъ сѣрой домотканной шерстяной матеріи; у каждаго на ремнѣ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, и частенько встрѣчается — рубашка, заправленная въ брюки. Мое пребываніе въ Вешкелицахъ совпало съ временемъ «віандуѡйдъ». При содѣйствіи мѣстнаго учителя (М. А. Никольскаго) я узналъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей — какъ проводится здѣсь молодежью это время, какіе существуютъ способы «ностай лемби» — пустить въ людяхъ хорошую молву, познакомился съ нѣкоторыми святочными гаданьями и выслушалъ нѣсколько рассказовъ о «паганъ нэнä» — о дѣйствіяхъ нечистой силы...

Изъ Вешкелницъ мой путь лежалъ обратно въ Святозеро, чрезъ Салменицы (Салмень-нишка). Въ с. Салменицахъ я не засталъ почти никого дома: весь народъ, даже старые и малые — были въ лѣсу, работали на пожняхъ. Къ моему счастью, у мѣстнаго священника оказалась служанкой — одна бойкая старушка изъ мѣстныхъ крестьянокъ, и она то мнѣ сообщила полсотни однихъ загадокъ и нѣсколько примѣтъ и наговоровъ на счетъ домашняго скота. Дорогой въ Святозеро я зашелъ въ одну небольшую деревеньку Киндазь-Рукавица. Почему-то жители этой деревни служатъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ сосѣдей-

кореляковъ; о нихъ ходитъ много всякихъ анекдотовъ, напоминающихъ отчасти пошехонскіе рассказы. Былъ, рассказываютъ, одинъ киндасовець на охотѣ; приходитъ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что въ «куопѣ» — ямѣ, куда на зиму кладутъ рѣпу, видѣлъ сто зайцевъ. — «Полно врать, замѣчаютъ ему родственники, откуда взялось такое множество зайцевъ...?» — Ну не сто, такъ 50 да все таки было... «А откуда 50-то, да еще и въ «куопѣ?» — Ну, не 50 — такъ десять хоть было...» — «Ну да и то очень сомнительно»... — Ну, если не десять, — такъ одинъ хоть да былъ... «Да былъ ли хоть одинъ-то...?» — Такъ что-же тогда шуршало въ ямѣ?...

Или еще другой рассказъ: Наступаетъ праздникъ Крещенія Господня — Ведэристэ. Киндасовцы въ прежніе годы на этотъ праздникъ постоянно ходили на свой погостъ — въ Пряжу, а тутъ почему-то вздумали устроить Іордань у себя дома: «не пойдете, братцы, на Іордань въ Пряжу, разсуждаютъ киндасовцы на канунѣ праздника, не стоитъ ходить туда; рѣка у насъ есть своя, иконъ въ часовнѣ много, такой можно Іордань смастерить, что любо...» Покричали, потолковали, и всѣ согласились устроить Іордань дома. На другой день, въ самый праздникъ Крещенья, рано утромъ сдѣлали на рѣкѣ большую прорубь, и торжественно съ иконами на груди народъ повалилъ изъ часовни на Іордань. Морозъ былъ въ тотъ день трескучій; руки мерзли даже въ рукавицахъ. Вотъ одинъ крестьянинъ держитъ на груди большую икону «пühä Ведöй» — св. Введение... Руки у него отъ холода посинѣли, ооченѣли, и самъ онъ не чувствуетъ, какъ икона постепенно соскальзываетъ, соскальзываетъ и, наконецъ, бултыхнулась въ Іордань... Сильнымъ теченіемъ рѣки икону тотчасъ-же подхватило и унесло подъ ледъ. Между киндасовцами началась тревога: ахъ «нюнню суугъ» — *penis in os «nühä-Ведöй»* въ воду пала!.. Притащили изъ деревни неводъ, запустили его по теченію ниже Іорданской проруби, вытащили — глядятъ кусокъ льду... «Да это должно быть и есть «nühä-Ведöй» — сдогадались киндасовцы и торжественно понесли льдину на печку въ домъ часовеннаго старосты: пока обѣдаемъ, моль, «nühä-Ведöй» тѣмъ временемъ на печкѣ и оттаетъ!.. Сидятъ киндасовцы обѣдаютъ, ѣдятъ праздничные пироги... «А подика ты, Микко, посмотри, что «nühä-Ведöй» дѣлаетъ на печкѣ», посылаютъ одного изъ своихъ товарищей справиться на счетъ иконы. Микко поднимается изъ-за стола, лѣзетъ на печку и оттуда съ священнымъ трепетомъ сообщаетъ: «А, «нюнню суугъ» — *penis in os «nühä-Ведöй»* то, братцы, сбѣжала, только мочи немножко на печку брызнула»...

По возвращеніи въ Святозеро, чрезъ нѣсколько времени я снова отправился въ путь — по направленію къ Олонцу... Дошелъ до Кескозера (Кескуой-Ярви) и, по случаю болѣзни, долженъ былъ возвратиться обратно въ Святозеро... Въ Кескозерѣ мнѣ случилось видѣть раздѣль

братьевъ. Раздѣлъ былъ любовный и происходилъ мирно, безъ крика и спору, безъ присутствія сельскихъ властей. Старшій братъ, широкобородый, плечистый мужикъ принесъ изъ «перти-айтэ» — домового чулана (въ отличіе отъ «педдо-айтэ» — чуланъ на полѣ) ржаной хлѣбъ, положилъ его на столъ, засвѣтилъ восковую свѣчу предъ иконами, — и оба брата съ семьями стали на молитву. Потомъ, послѣ молитвы, братья поцѣловались, и старшій, отрѣзавъ ножомъ половину хлѣба, отдалъ её брату... И затѣмъ начался самый раздѣлъ имѣнія: старшій братъ взялъ избу, а младшій «свѣязи», т. е. дворъ я сарай: зерновой хлѣбъ, скотъ, поля, — все пошло пополамъ.

Въ заключеніе скажу вкратцѣ о результатахъ моихъ наблюденій за жизнью кореляка, подведу, такъ сказать, итогъ моей лѣтней работѣ. — Мною подробно описаны обряды корельской свадьбы и приложены свадебныя причитанья въ двухъ текстахъ (корельск. и русск.); описаны обряды погребальныя и приложены отрывки изъ причитаній. Собрано больше полтора ста загадокъ и пословицъ, и изложены онѣ въ двухъ текстахъ. Сдѣлано описаніе времени «віандуёйдъ» и корельскихъ святокъ со всѣми гаданьями, примѣтами, ворожбами и увеселеніями этого времени; указаны въ краткомъ очеркѣ воззрѣнія и взгляды кореляковъ на нечистую силу: паһа, метчäläйнэ, ведэһинэ, и муа-һардй; записано нѣсколько сказокъ и легендъ, и, наконецъ, начато составленіе русско-корельскаго словаря.

Сознаюсь предъ вами, м. г., что я не сдѣлалъ того, что мечталъ сдѣлать, уѣзжая изъ Петербурга въ Корелу... И причиной того было, во 1-хъ лѣтнее время, неудобное для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, — время, когда народъ цѣлыми днями бываетъ въ лѣсу на работѣ и не имѣетъ никакой охоты рассказывать сказки, загадки, сообщать о своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, — заниматься, по его выраженію, «пустяками». Во 2-хъ, скрытность и недовѣрчивость кореляка, съ какими онъ встрѣчаетъ всякаго, не принадлежащаго къ числу его односельчанъ, и въ третьихъ, наконецъ, моя неопытность и нѣкоторая, пожалуй, неумѣлость взяться за этотъ трудъ, какъ слѣдуетъ. Собираніе матеріаловъ по этнографіи корельскаго края Олонецкой губерніи — было для меня первымъ опытомъ въ занятіяхъ этого рода, — это были, такъ сказать, мои первые, еще неумѣлые шаги, а потому я въ правѣ, м. г., рассчитывать у васъ на полное ваше снисхожденіе... Если же случится мнѣ снова побывать въ Корелѣ, то я надѣюсь, что, взявшись за трудъ собиранія матеріаловъ уже съ нѣкоторымъ запасомъ опытности, я исполню его болѣе удовлетворительно и съ большимъ успѣхомъ для себя...

Н. Лъсковъ.